

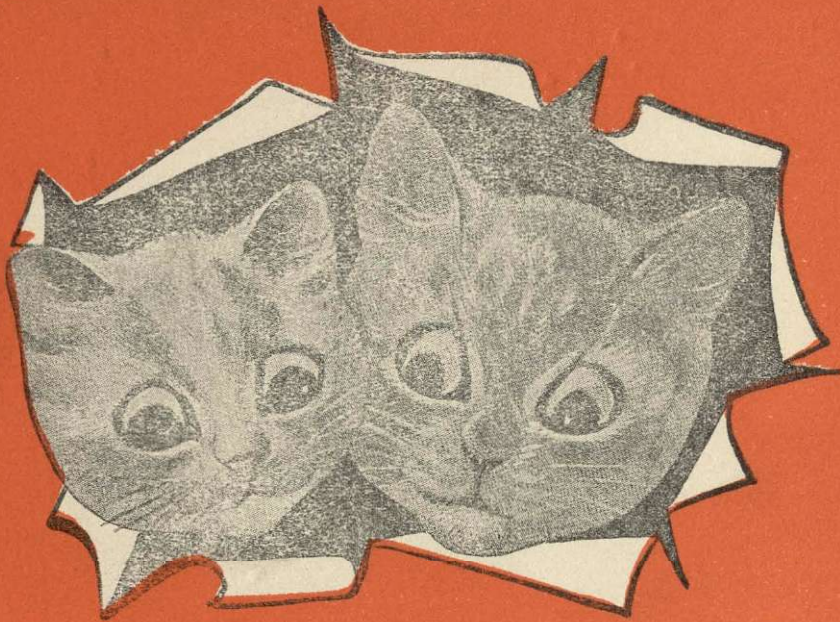
XVII 45
10

Годъ изданія третій

МАРТЪ

№ 9.

1910.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

СОЗНАЮТЬ-ЛИ ЖИВОТНЫЯ
ДОБРО И ЗЛО.

ПЛАЧЪ ЗВѢРЕЙ.

ТРЕЗОРКА (изъ записокъ
собаки).

ВЕСНА.

НА ЗАРЬ НОВОЙ ЖИЗНИ
(историческая повѣсть).

СКРИПКА.

ГОЛОВОЛОМКИ, РЕБУСЪ и пр.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Англійскій деревенскій домъ

№ 9. Мартъ, 1910.

Годъ издаванія III-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Тогда одинъ изъ взрослыхъ павиановъ, настоящій герой, бросился его выручать.

СОЗНАЮТЪ-ЛИ ЖИВОТНЫЯ ДОБРО И ЗЛО?

Сознаютъ-ли животныя добро и зло? Доступны-ли ихъ понятію такія высокія добродѣтели, какъ храбрость и самопожертвованіе, и съ другой стороны—такіе пороки, какъ жестокость и коварство? Мы знаемъ изъ исторіи и изъ повседневной жизни, что этими добродѣтелями и пороками отличается царь природы—человѣкъ, и не только взрослый, но иногда даже и ребенокъ. Но доступны-ли они животнымъ? А вотъ посмотримъ. Прежде всего разберемъ въ томъ, храбры-ли животныя? Способны-ли они быть героями?

Мы знаемъ отлично, что обезьяны—большія спорщицы. Сидя въ клѣткѣ, онѣ часто такъ ссорятся, что дѣло почти всегда кончается дракой. Сначала онѣ бьютъ другъ дружку только по щекамъ, а затѣмъ дѣло переходитъ во всеобщую свалку и часто даже кончается тѣмъ, что пускаются въ ходъ и зубы. Но считать обезьянъ способными на однѣ только такія ссоры и свалки было бы неблагоприятно. Такъ, знаменитый англійскій естествоиспытатель Чарльзъ Дарвинъ въ одной изъ своихъ книгъ рассказываетъ намъ очень интересную исторію о томъ, какъ маленькая обезьяна спасла жизнь своему сторожу. Она была привезена изъ Южной Америки и содержалась въ Лондонскомъ зоологическомъ саду.

Здѣсь, подъ сѣрымъ небомъ, не видя по цѣлымъ мѣсяцамъ солнышка и хвоя, она часто забивалась въ уголокъ и угрюмо выглядывала изъ него своими печальными глазами. Она веселѣла только тогда, когда къ ней приходилъ ея сторожъ и ласкалъ ее. Тогда радости ея не было границъ. Она прижималась мордочкой къ его щекѣ, гладила его по головѣ своими лапками и всѣми мѣрами старалась показать, какъ она его любитъ. Въ той же клѣткѣ содержался и павіанъ. Это было злое и упрямое созданіе, ненавидѣвшее людей. Однажды, войдя въ клѣтку, чтобы привести ее въ порядокъ, сторожъ опустил на одно колѣно и сталъ вѣничкомъ сгребать соръ въ корзинку. Какъ вдругъ павіанъ набросился на него сзади и втиснулъ ему въ затылокъ свои ногти. Кровь хлынула ручьями. Сторожъ повалился ничкомъ на землю, а павіанъ сѣлъ на него верхомъ и сталъ его душить. Вокругъ клѣтки не было никого. Тогда маленькая мартышка, увидя въ опасности своего друга, рѣшилась спасти его и бросилась къ нему на выручку. Она вцѣпилась тоже сзади въ павіана и такъ больно стала драть его за уши, что онъ выпустилъ изъ лапъ свою жертву и бросился на мартышку. Конечно, сторожъ воспользовался этой мину-

той, чтобы вскочить на ноги и водворить въ клѣткѣ порядокъ.

Даже такое глупое и упрямое животное, какъ принято думать, напр. осель, тоже бываетъ иногда способно на геройскіе поступки. Такъ, въ Египтѣ, у одного араба былъ осель по имени Моджи. Осель этотъ былъ очень упрямъ и арабъ часто билъ его безпошадно. Но, несмотря на это, Моджи очень любилъ своего хозяина. Однажды, когда арабъ продалъ свои товары въ городѣ и возвращался къ себѣ въ деревню домой, то ему захотѣлось отдохнуть. Онъ далъ своему ослу волю, а самъ легъ подъ кустъ и скоро заснулъ. Было жарко. Жиле было далеко. Кругомъ тянулася пустыня, кое-гдѣ поросшая чахлыми кустарниками и дикою травой. Онъ спалъ, а осель бродилъ отъ куста къ кусту, обгладывалъ съ нихъ листья и незамѣтно отошелъ отъ своего хозяина далеко. Какъ вдругъ онъ услышалъ донесшіеся до него крики своего хозяина. Онъ вздрогнулъ, поднялъ уши и со всѣхъ ногъ бросился туда, гдѣ тотъ спалъ. Оказалось, что откуда-то появился степной волкъ, который набросился на спавшаго араба и сталъ его грызть. Тогда Моджи, желая спасти своего хозяина, съ опасностью для собственной жизни подскочилъ къ волку, повернулся къ нему задомъ и изъ всѣхъ силъ сталъ поражать его задними ногами. Когда волкъ былъ ими убитъ, то оказалось, что и арабъ былъ уже загрызенъ до полусмерти.

Тогда Моджи понялъ, въ чемъ дѣло, и со всѣхъ ногъ пустился къ себѣ въ деревню. Здѣсь онъ схватилъ зубами жену араба за полу и сталъ ее тянуть вонъ со двора. Догадавшись, что съ ея мужемъ случилось что-нибудь недоброе, арабка сѣла на Моджи и онъ быстро привезъ ее къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ безъ чувствъ его умиравшій хозяинъ.

Но и находясь въ дикомъ состояніи, животныя тоже проявляютъ благородство и самопожертвованіе. Въ двухъ первыхъ примѣрахъ животное оказало услугу человѣку и будучи въ неволѣ. Но съ такою же готовностью животное способно жертвовать собою и для своего же ближняго, тоже животнаго, и при томъ находясь въ дикомъ состояніи. Такой случай приводитъ намъ нѣмецкій ученый Бёмъ, путешествовавшій по Африкѣ и наблюдавшій тамъ жизнь павіановъ. Однажды эти животныя цѣлой массой переходили черезъ долину, чтобы взобраться на противоположныя горы. Когда бѣльшая часть павіановъ была уже на горѣ, то внизу, въ долинѣ, ихъ оставалось всего только нѣсколько штукъ. Какъ вдругъ на самыхъ послѣднихъ изъ нихъ напали дикія собаки. Тогда старшіе изъ павіановъ бросились на выручку своихъ товарищей. Они сбѣжали поскорѣе съ горы, скорчили гримасы, раскрыли рты и такъ дико заревѣли и замигали глазами, что собаки испугались и отступили назадъ. Тѣмъ временемъ всѣ павіаны

успѣли уже перебѣжать къ горѣ и вкарабкаться на неприступную скалу, за исключеніемъ одного маленькаго полугодоваго павіана, который не сумѣлъ уцѣпиться за камень, сорвался и покотился внизъ на сѣденіе дикимъ собакамъ. Онъ бросился было бѣжать отъ нихъ, но не успѣлъ, и онѣ окружили его со всѣхъ сторонъ. Онъ жалостно заплакалъ и сталъ громко звать на помощь. Тогда одинъ изъ взрослыхъ павіановъ, настоящій герой, бросился его выручать. Онъ прорвался сквозь ряды разсвирѣпѣвшихъ дикихъ собакъ, схватилъ маленькаго павіана на руки и съ опасностью для собственной жизни, торжественно вынесъ его въ безопасное мѣсто.

Былъ и другой случай, когда маленькую обезьянку схватилъ однажды орелъ. Въ самый тотъ моментъ, какъ онъ хотѣлъ уже унести ее къ себѣ въ гнѣздо, она схватилась свободной лапкой за вѣтку дерева и стала громко звать на помощь. Услышавъ ея крики, со всѣхъ сторонъ сбѣжались другія обезьяны, стали на орла кричать, бросать въ него вѣтками и плодами, а одна даже притянула орла за вѣтку къ себѣ и стала выщипывать у него изъ хвоста перья, несмотря на то, что онъ поразилъ ее за это клювомъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что царь птицъ долженъ былъ выпустить изъ когтей свою жертву и со стыдомъ и съ общипаннымъ хвостомъ улетѣлъ къ себѣ въ гнѣздо.

Подобные случаи геройства наблю-

даются часто и среди птицъ. Такъ, въ нашемъ саду, у самага ствола сосны, два дрозда устроили на вѣткѣ гнѣздо и вывели въ немъ птенцовъ. На сосѣднихъ соснахъ также поселились дрозды и когда, бывало, проходишь мимо тѣхъ сосенъ, то всѣ дрозды вылетали изъ своихъ гнѣздъ и съ громкими криками начинали кружиться вокругъ того мѣста, стараясь отвлечь вниманіе проходившаго отъ ихъ птенцовъ. Однажды я услышалъ изъ окна, что дрозды подняли какой-то необыкновенный шумъ и гамъ. Я выскочилъ въ садъ и побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ они гнѣздились. И что-же оказалось? На верхушкѣ сосны сидѣлъ коршунъ и такъ и высматривалъ, на кого-бы ему напасть. Я сталъ ожидать, что онъ будетъ дѣлать. Дрозды летали вокругъ него и громкими криками старались его прогнать. Какъ вдругъ коршунъ стрѣлой спустился внизъ и схватилъ изъ гнѣзда маленькаго птенца, едва оперившагося, но не умѣвшаго еще летать. Но желая подняться вверхъ, онъ запутался въ вѣтвяхъ сосны и застрялъ въ нихъ, все еще не выпуская своей жертвы изъ когтей. Тогда одинъ старый дроздъ бросился на него и сталъ со всѣхъ сторонъ на него нападать. Онъ клевалъ его то въ голову, то въ шею и кончилось дѣло тѣмъ, что коршунъ выпустилъ изъ когтей маленькаго дрозда, конечно, уже задавленнаго имъ на смерть, схватилъ вмѣсто него этого нападавшаго на него

героя и улетѣлъ съ нимъ за тридцать земель.

Но будучи способными на геройскіе поступки, животныя умѣютъ также и мстить. Въ особенности на это способны обезьяны и слоны. Такъ одна горилла была помѣщена въ тѣсной клѣткѣ въ одномъ провинціалномъ, переѣзжавшемъ съ мѣста на мѣсто, звѣринцѣ. Сторожъ этого звѣринца очень сурово относился къ ней, не давалъ ей ѣсть и иногда больно билъ ее хлыстомъ. Тогда она задумала отомстить ему. Въ воскресенье, когда въ звѣринцѣ было особенно много народу и когда ея сторожъ нарядился въ свой лучшій костюмъ, она взяла ведро съ водою, которая была поставлена ей для питья, наболтала въ ней грязи и нечистотъ и, выждавъ, когда сторожъ вошелъ къ ней въ клѣтку, на глазахъ у всей публики, вылила ему это ведро прямо на голову. Конечно, публика подняла сторожа на смѣхъ и весь новый костюмъ ему пришлось отдавать въ стирку, а самому прямо изъ звѣринца отправляться въ ванну. И всякій разъ затѣмъ, какъ этотъ сторожъ подходилъ къ клѣткѣ гориллы, она радостно рычала, хлопала въ ладоши и весело начинала плясать отъ удовольствія, что такъ насмѣялась надъ своимъ врагомъ. Но еще мстительнѣе слоны. Вообще слоны очень терпѣливы и выносливы и нужно быть очень злымъ и придирчивымъ чело-вѣкомъ, чтобы вывести ихъ изъ себя. Такъ, въ одномъ странствующемъ

звѣринцѣ находился слонъ, который долго терпѣлъ всевозможныя посядѣлки со стороны одного изъ посѣтителей. Когда слону предлагали какія-нибудь сласти, то прежде чѣмъ передать ихъ ему, этотъ господинъ еще дразнилъ его ими и вообще издѣвался надъ нимъ. Слонъ очень любилъ каштаны и вотъ однажды, чтобы посмѣяться надъ слонемъ, посѣтитель изжарилъ каштаны на сковородѣ, разогрѣлъ ихъ такъ, что они сдѣлались горячими, какъ огонь, ссыпалъ ихъ въ бумажный мѣшокъ и въ такомъ видѣ подалъ ихъ слону. Не подозрѣвая ничего, слонъ взялъ хоботомъ за край мѣшка, положилъ его весь цѣликомъ къ себѣ въ ротъ и вдругъ почувствовалъ на языкѣ тяжкую боль. Въмѣсто того, чтобы выплюнуть эти каштаны, онъ ихъ проглотилъ и зарычалъ отъ ожога. Злой посѣтитель, увидя, что такъ легко обманулъ слона, взялся руками за животъ и весело захохоталъ. Тогда животное схватило ушатъ, поставленный ему для питья, и протянуло его къ своему хозяину, чтобы онъ наполнилъ его водою. Когда вода была слону подана, то онъ сталъ жадно ее пить, чтобы умѣрить въ себѣ силу ожога.

— Что товарищъ? воскликнулъ посѣтитель. — Кажется, закуска была немножко горяча?

— Напрасно ты это сдѣлалъ, обратился къ нему содержатель звѣринца. — Теперь онъ тебѣ за это будетъ мстить!

И дѣйствительно, въ глазахъ у слона засвѣтился недобрый огонекъ; но животное затаило въ себѣ месть и стало только поджидать удобнаго случая, чтобы выполнить ее на дѣлѣ.

Прошелъ годъ. Звѣринецъ уѣхалъ и потомъ опять вновь приѣхалъ въ тотъ же самый городъ. Опять около слона появились зрители, которые предлагали ему булки, яблоки и разныя сласти. Былъ между ними и тотъ негодяй, который когда-то покормилъ бѣднаго слона горячими, какъ огонь, каштанами. Онъ и на этотъ разъ затѣялъ злую шутку. Въ одномъ карманѣ онъ принесъ съ собой въ звѣринецъ обыкновенныя орѣхи, а въ другомъ орѣхи пустыя, изъ которыхъ была вынута имъ середина и замѣнена перцемъ, нюхательнымъ табакомъ и горчицей. Сначала онъ далъ слону обыкновенный орѣхъ, а затѣмъ, когда слонъ его съѣлъ, онъ сунулъ ему въ хоботъ орѣхъ съ перцемъ. Едва только почувялъ слонъ запахъ перца, какъ онъ бросилъ этотъ орѣхъ на землю, схватилъ своего мучителя за карманъ, поднялъ его хоботомъ высоко кверху и такъ тря-

нулъ имъ, что карманъ вырвался изъ пиджака и праздный посѣтитель всею своею тяжестью ударился о землю. Доставъ изъ этого кармана настоящіе орѣхи, слонъ съѣлъ ихъ съ большимъ аппетитомъ, а затѣмъ, схвативъ своего мучителя за другой карманъ, онъ точно такъ-же поднялъ его высоко кверху, тряхнулъ имъ такъ, что и этотъ карманъ тоже вырвался изъ пиджака цѣликомъ, и человекъ снова всею своею тяжестью упалъ внизъ и ударился о землю; затѣмъ онъ досталъ изъ вырваннаго кармана фальшивыя орѣхи, раздавилъ каждый изъ нихъ ногой и все, что въ нихъ содержалось, насильно всыпалъ своему мучителю въ ротъ. Давясь и чихая, весь въ синякахъ отъ ушибовъ, негодяй выбѣжалъ изъ звѣринца на воздухъ и въ другой разъ уже не осмѣливался такъ издѣваться надъ животными.

Такъ животныя умѣютъ быть преданными тѣмъ, кто любитъ ихъ и заботится о нихъ, и такъ онѣ мстятъ тѣмъ, кто забываетъ, что они тоже умѣютъ чувствовать, страдать и любить.

С. Вершининъ.

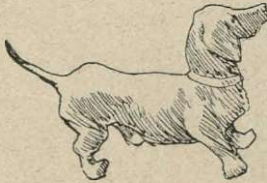

ПЛАЧЪ ЗВѢРЕЙ.

Богъ росиль лѣсъ цѣлый вѣкъ,
 Но явился человѣкъ,
 Заскрипѣли пилы
 И, что было силы,
 Застучали топоры.
 Нѣтъ ужъ лѣса съ той поры,
 Паль тотъ лѣсъ могучій,—
 Лишь пеньки да кучи!
 Стали звѣри всѣ тужить:
 — «Какъ намъ быть? Гдѣ намъ жить?»
 Всѣ лисицы лають,
 Какъ имъ жить—не знаютъ.
 Опечалился медвѣдь,
 Сталь отъ горя онъ ревѣть,
 Рябчикъ съ куропаткой
 Слезы льютъ украдкой.

Бѣлки взлѣзли на пеньки,
 Приуныли отъ тоски,
 А зайчишки скачутъ
 И слезами плачутъ.
 Слышны возгласы кругомъ:
 — «Гдѣ нашъ домъ? Гдѣ нашъ домъ?»
 Лѣсъ нашъ разорили
 Насъ дѣтей лишили!
 И никто изъ васъ, людей,
 Не жалѣетъ насъ, звѣрей,
 Нѣтъ у насъ жилища,
 Нѣтъ у насъ ужъ пищи!
 Лишь купецъ, что лѣсъ тотъ свель,
 Деньги лишній разъ сочель,
 Да его купчиха
 Разодѣлась лихо!

Ирисъ.

ТРЕЗОРКА.

(Изъ записокъ собаки).

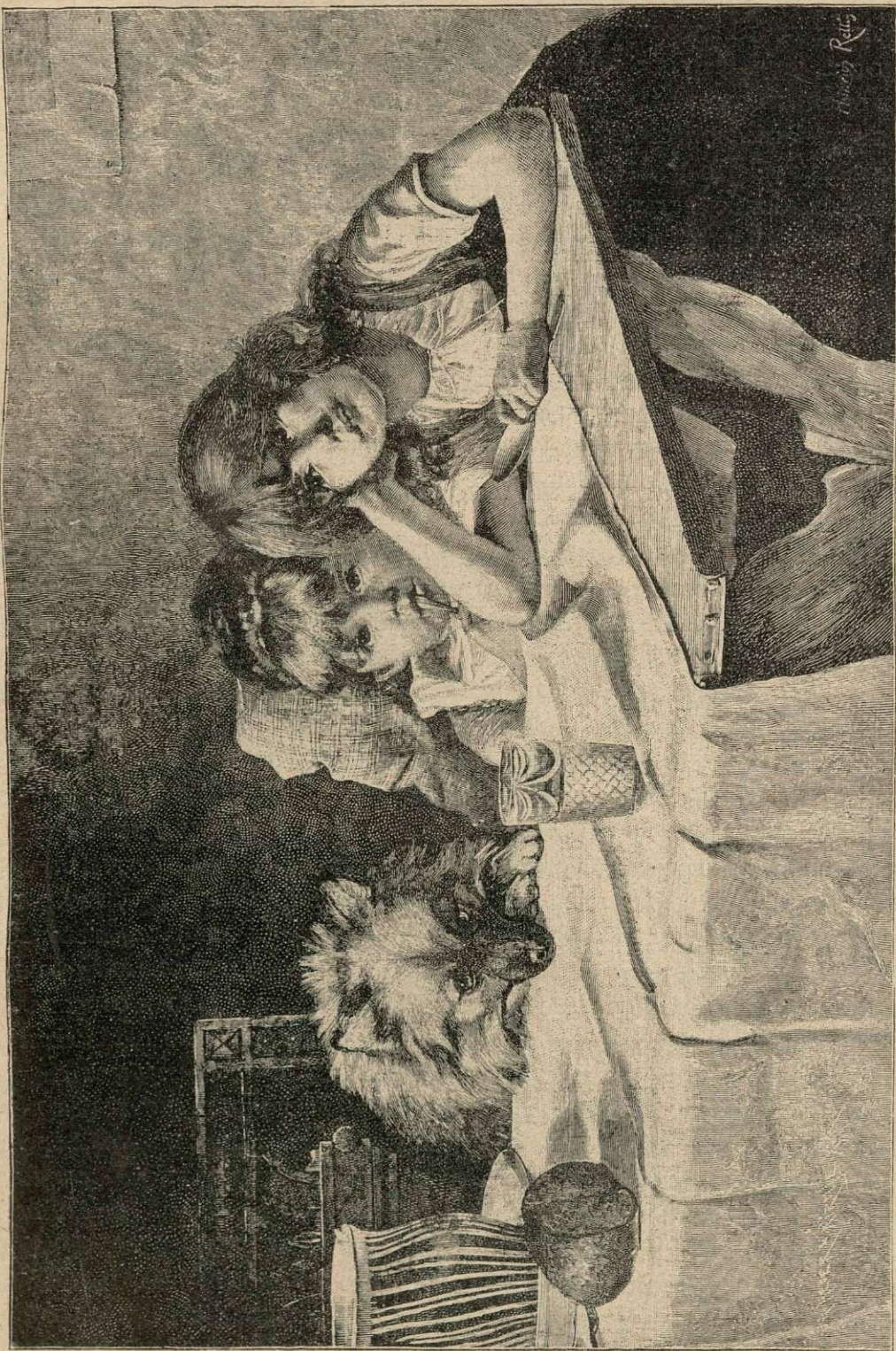

Я—собака. Конечно, если-бы я былъ мальчикомъ или дѣвочкой, то я лучше рассказалъ-бы вамъ свою исторію, но, надѣюсь, вы и такъ меня поймете, потому что я буду рассказывать одну только чистую правду. Насъ всѣхъ—очень большая семья. Всего десять человѣкъ: хозяинъ, хозяйка, ихъ дѣти и прислуга, да я—одиннадцатый. Самый старшій—хозяинъ и самый младшій—я. Я недурень собой, на мнѣ длинная шерсть и весь я—черный. Уже два года,

какъ я встрѣтилъ однажды дочь моего хозяина на улицѣ и пошелъ за ней. Она шла изъ гимназіи домой. Ей теперь четырнадцать лѣтъ и ее зовутъ Ниной. Когда я, мокрый отъ дождя и весь въ грязи, вбѣжалъ за нею въ комнаты, то всѣ стали прогонять меня прочь. Это вполне понятно, потому что меня никто не представилъ. Я хотѣлъ представиться самъ, но въ это время Нина стала просить своего отца, чтобы онъ разрѣшилъ ей оставить меня совсѣмъ.

Въ Малороссіи.

Купать хочется.

Нина была добрая дѣвушка и любимица отца, такъ что онъ ни въ чемъ не могъ ей отказать. Съ этого дня я сталъ собственной собакой Нины. Это означаетъ, что изъ всей семьи я слушался болѣе всѣхъ только ее одну и, когда меня били или наступали мнѣ на хвостъ, зналъ, что именно она заступится за меня. Я спалъ въ ея комнатѣ и во время обѣда старался неотступно смотрѣть ей въ глаза, чтобы она бросила мнѣ что-нибудь со своей тарелки. Когда она выходила изъ дому одна, то слѣдовалъ за нею и я, и тогда я былъ вполнѣ увѣренъ, что изъ преданности къ ней могъ укусить любого человѣка за ногу. Одинъ разъ даже я услышалъ, какъ отецъ ея говорилъ, что со мной можетъ отпустить ее куда угодно, и во всемъ мѣрѣ не было собаки, болѣе гордившейся собой, чѣмъ я. Раньше, чѣмъ я попалъ къ Нинѣ, меня звали «Бобъ», а Нина вдругъ стала звать меня «Трезоркой». Я посмотрѣлъ ей прямо въ лицо и старался внушить ей, что я вовсе не Трезорка, а Бобъ, но она не поняла меня и такъ за мной и осталось это новое прозвище.

Я всегда былъ тихимъ и скромнымъ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ случаевъ, въ которыхъ ни одна собака вообще не могла-бы усидѣть на мѣстѣ. Такъ было и тогда, когда у насъ въ домѣ появился вдругъ какой-то неизвѣстный щенокъ, который совсѣмъ уже расположился стать комнатной собакой навсегда. Я не взлюбилъ

его съ перваго же взгляда. Было очень весело играть съ нимъ и я всегда старался не кусать его больно, потому что онъ былъ еще слабъ и неуклюжъ и походилъ на шарикъ. Онъ принадлежалъ къ очень крупной породѣ собакъ, а извѣстно, что щенки отъ крупныхъ собакъ всегда слабѣе, чѣмъ щенки отъ мелкихъ. Поэтому, не смотря на свой сравнительно крупный ростъ, онъ былъ еще глупъ, какъ грудной младенецъ. И вотъ однажды Нина взяла этого щенка, положила его къ себѣ на колѣни и такъ и не разставалась съ нимъ до самаго вечера. Она все время сидѣла на гамакѣ въ саду и всякій разъ какъ я подходилъ къ ней, она мнѣ говорила:

— Поди прочь, Трезорка! Ты мнѣ надоѣдаешь!

Я уходилъ, но каждый разъ чувствовалъ, что становился все злѣе и злѣе. Никогда еще въ жизни своей я не былъ такимъ угрюмымъ. Ревность овладѣла всѣмъ моимъ существомъ.

Наконецъ позвали къ вечернему чаю. Нина поднялась съ гамака, положила щенка на землю и отправилась въ домъ. Тотчасъ же она кликнула и меня, потому что не было случая, чтобы я не получалъ отъ нея чего-нибудь во время чая: то корочку хлѣба, то шкурку отъ колбаски, то обрѣзки отъ ветчины. Я услышалъ ее очень хорошо, но сдѣлалъ такой видъ, точно не обращаю вниманія, и не пошелъ. Тогда она кликнула меня опять:

— Иди-же, Трезорка! Гдѣ-ты?

Я даже не повилялъ ей хвостомъ.

— Ну, не хочешь, такъ и не надо! крикнула она.—Оставайся тамъ, гдѣ сидишь!

Теперь ужъ я ненавидѣлъ этого маленькаго щенка, потому что никогда раньше Нина не разговаривала со мною такимъ тономъ. Я былъ въ это время на дворѣ, но рѣшилъ отправиться и посмотреть, все-ли онъ еще въ саду, и если понадобится, то и показать ему, что я тоже чего-нибудь да стою. Да, онъ былъ все еще тамъ и походилъ на бѣлый шаръ, взадъ и впередъ катавшійся по травѣ: онъ игралъ самъ съ собою. Я подошелъ къ нему и строго на него заворчалъ. Онъ испугался; тогда я схватилъ его за шею и больно укусилъ его, да не разъ и не два; мнѣ совѣстно сознаться въ этомъ. Затѣмъ я повалилъ его на траву и такъ и оставилъ его на ней лежать.

— Это пригодится тебѣ на будущее время! проворчалъ я.—Теперь ты будешь знать, какъ вести себя впередъ!

Я думалъ, что онъ будетъ визжать или просить у меня прощенія, но, къ моему великому ужасу, онъ не дѣлалъ ни того, ни другого. Онъ лежалъ на травѣ недвижимо, закрывъ глаза и поджавши хвостъ. Теперь ужъ я испугался самъ; вѣроятно, я загрызъ его и Нина не проститъ мнѣ этого никогда.

— Щенокъ!.. шепнулъ я ему на собачьемъ языкѣ.—Слышишь? Очнись!

Вѣдь я нарочно... я пошутилъ!.. Я не хотѣлъ тебя больно укусить.

И я ожидалъ, что онъ мнѣ отвѣтитъ:—«Злой Трезорка! Гадкій Трезорка!» или что-нибудь въ этомъ родѣ, но,—увы!—онъ молчалъ. Теперь я былъ убѣжденъ, что онъ былъ мертвъ.

Бѣдный щеночекъ! Зачѣмъ я это сдѣлалъ? И я сталъ такъ жалобно скулить, что Нина вышла изъ дома. Какъ теперь ей взглянуть въ глаза? Въ первую минуту я хотѣлъ-было бѣжать, но нѣтъ! Я былъ злой, нехорошой собакой, но я былъ честенъ. Если-бы я убѣждалъ, то Нина подумала-бы, что я трусь, и такъ и не узнала-бы, какъ я горько сожалею о моемъ поступкѣ. Поэтому я поджалъ хвостъ и виновато подошелъ къ ней и сталъ лизать ваксу на ея лѣвомъ башмакѣ. Она не понимала, въ чемъ дѣло. Тогда я храбро взялъ зубами за подолъ ея платья и привелъ ее къ тому мѣсту, гдѣ на травѣ лежалъ недвижимо щенокъ.

— Бѣдный Кутъка! воскликнула она.—Онъ издохъ! Несчастная, маленькая собачка, что съ тобою?

И крупныя слезы дождемъ покатились у нея изъ глазъ. Я стоялъ тутъ-же и теперь для меня было странно, что это не возбуждало во мнѣ ревности къ щенку. Всякая ревность исчезла послѣ моего сквернаго поступка. Но я еще болѣе поджалъ свой хвостъ, опустилъ голову и заплакалъ:

— Ску-ску-ску!..

Нина тотчасъ-же поняла все. Она

взяла на руки Кутьку и понесла его въ кухню.

— Ольга, обратилась она къ кухаркѣ.—Кутька издохъ. Его загрызъ этотъ негодяй Трезорка!

— Неужели? воскликнула кухарка. Дайте-ка, барышня, я посмотрю!

Она взяла щеночка въ свои громадныя руки и, несмотря на то, что на дворѣ стоялъ яркій солнечный день, поднесла его прямо къ плитѣ и стала грѣть на огнѣ. Нина подала ей воды и она промыла Кутькѣ шею. Затѣмъ она помазала ему раны прованскимъ масломъ и вдругъ—о, радость! Кутька открылъ глаза. Потомъ онъ сталъ шевелить лапками и кончилъ тѣмъ, что сталъ сосать у кухарки палець. Кажется, за всю свою жизнь я никогда не былъ такъ благодаренъ Ольгѣ, какъ на этотъ разъ. Даже тогда, когда она бросала мнѣ куриную лапку, я не испытывалъ такой благодарности, какъ сейчасъ. Я отправился изъ кухни въ классную комнату, разыскалъ то одѣяльце, на которомъ когда-то спалъ я, и, взявъ его въ зубы, потащилъ его черезъ всѣ комнаты въ кухню, чтобъ предложить его щенку.

— Смотрите, барышня, воскликнула кухарка и указала Нинѣ на меня.—Трезорка тянетъ свою постель! Вотъ умная собака!

Но моя хозяйка Нина была обо мнѣ совсѣмъ другого мнѣнія. Она знала меня очень хорошо и потому понимала, что изъ ревности я могъ быть способенъ на все. И это было

совершенно справедливо. Она взяла кусокъ бѣлаго картона и большими буквами написала на немъ:

«Я очень нехорошая собака»

и въ видѣ наказанія повѣсила эту вывѣску мнѣ на шею. Затѣмъ привязала меня на цѣпочку къ периламъ лѣстницы и такъ и оставила меня одного. Здѣсь, съ этой позорной доской на груди, я такъ и просидѣлъ до самаго вечера и всякій, кто поднимался или спускался по этой лѣстницѣ, наклонялся надо мной и читалъ эту надпись.

— О, Трезорка, какой ты негодяй! говорили они.—Что это ты натворилъ? И я сгоралъ со стыда. Лѣтніе дни обыкновенно тянутся дольше зимнихъ и каждый изъ нихъ равняется одной нашей собачьей недѣлѣ. Но тотъ день казался для меня безконечнымъ. Мнѣ казалось, что ночь не наступитъ никогда. Наконецъ пришла моя госпожа и сѣла на самую нижнюю ступеньку лѣстницы.

— Что, неприятно сидѣть на привязи? сказала она.

И на своемъ собачьемъ языкѣ я отвѣтилъ ей, что я уже соскучился, что мнѣ хочется побѣгать и что я горько раскаиваюсь въ своемъ поступкѣ. Тогда она погладила меня по головѣ, но не стала со мной заигрывать, какъ это дѣлала обыкновенно. Когда же наступила ночь, то она впустила меня къ себѣ въ комнату и позволила мнѣ въ ней проспаться до утра.

Послѣ этого несчастнаго дня жизнь стала терять для меня всякій инте-

ресь, потому что не проходило часа, чтобы кто-нибудь при встрѣчѣ со мной, не сказалъ:

— А кто загрызъ нашего маленькаго Кутьку? Ахъ, ты негодяй, негодяй!

Или:

— Вотъ погоди ты у меня! Я покажу тебѣ, какъ кусать бѣднаго щенка.

Это причиняло мнѣ страданія, я ложился на спину и подставлялъ свое брюхо подъ удары говорившаго, но меня не билъ никто и это заставляло меня испытывать мученія. Для насъ, собакъ, легче переносить удары, чѣмъ слышать упреки своихъ господъ.

Съ этого дня я полюбилъ Кутьку всѣмъ моимъ существомъ. И я доказалъ это ему на дѣлѣ.

Однажды у насъ въ домѣ происходила «большая стирка». Лежа подъ кустомъ на заднемъ дворѣ, гдѣ было развѣшано только-что выстиранное бѣлье, Кутька замѣтилъ, что вѣтромъ сдуло съ веревки бѣлый кружевной передникъ, принадлежавшій нашей нянькѣ, подбѣжалъ къ нему и, по своему глупому разсудку, сталъ его трепать. Отъ него только полетѣли клочья.

— Перестань, Кутька! обратился я къ нему. — Вѣдь тебѣ за это достанется! Вѣдь нянька не Нина; она выдеретъ тебя за уши или отстегаетъ плеткой!

Но Кутька меня не послушалъ. Скоро отъ передника осталась одна только изорванная и изгрызенная оборка.

Тогда мнѣ пришло вдругъ въ голову заглядить на дѣлѣ свою вину. Я и то уже отдавалъ Кутькѣ самые вкусные кусочки, которые получалъ отъ Нины самъ и которые онъ съѣдалъ, точно они принадлежали не мнѣ, а ему, но я рѣшилъ довести свое великодушіе до конца. Я взялъ въ зубы остатки отъ нянинаго передника и торжественно прошелся съ ними по саду, чтобы, увидѣвъ меня, всѣ могли подумать, что это сдѣлалъ я. И когда нянька увидѣла меня, то она пришла въ такую ярость, какой я не видывалъ отъ нея никогда.

— Держи, держи его! закричала она. — Бейте его! Бейте эту скверную, блудливую собаку!

И меня схватили за уши, плотно прижали мою морду къ землѣ и стали драть меня хлыстомъ. А затѣмъ нянька сгребла въ свою большую ладонь мои уши и всю шкуру на моемъ затылкѣ и на лбу и стала неистово тыкать меня носомъ въ передникъ.

— Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ! говорила она. — Чтобъ ты издохла, негодница!

А Кутька стоялъ тутъ-же и смотрѣлъ, какъ меня драли. Бѣдняга такъ испугался, что дрожалъ, какъ осиновый листъ. И онъ понялъ, что я страдалъ за него. Когда-же меня перестали бить и я встряхнулся и потрепалъ ушами и спиной, то мы оба убѣжали въ классную и тамъ забились подъ диванъ. Мы оба прижались другъ къ другу и стали одинъ другого лизать. У него былъ тепленькій, розовый языкъ. И на этотъ

разъ Кутька сказалъ мнѣ: — Благодарю!

Съ тѣхъ поръ мы оставались друзьями до гробовой доски и всегда вмѣстѣ спали. Нянька же возненавидѣла

меня и не могла простить мнѣ своего фартука никогда. Но я не обижался и находилъ утѣшеніе въ томъ, что такъ геройски искупилъ свою вину.

ВЕСНА.

Ужъ скоро вишни завѣтуютъ,
Набухли почки у черешень
И, суетясь вокругъ скворешень,
Скворцы шумливо гнѣзда вьютъ.

Прошла рѣка, растаялъ ледъ...
Ужъ лѣсъ покрылся сѣрымъ пухомъ
И на окошкѣ соннымъ мухамъ
Ужъ солнце снова жизнь даетъ.

Весна, весна! Уже стада
Мычатъ на полѣ, ищутъ травки,
Ужъ кое-гдѣ ползутъ козявки
И громко грачъ кричитъ съ гнѣзда.

Кузнечикъ.

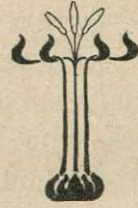
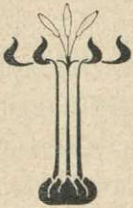

НА ЗАРѢ НОВОЙ ЖИЗНИ.

Историческая повѣсть.

(По Ben-Hur, by Lew. Wallace).

(Продолженіе).

ХІІ.

Около трехъ часовъ дня началось состязаніе на колесницахъ. Стала съѣзжаться знатная публика, которая не любитъ пріѣзжать къ самому началу спектакля. Четверо сильныхъ рабовъ внесли въ циркъ Симонида, сидѣвшаго на креслѣ. Любопытство публики было возбуждено, такъ какъ никто еще не зналъ, что онъ—рабъ

Иуды Бенъ-Хура. Тотчасъ-же кто-то назвалъ его по имени. Сидѣвшіе рядомъ подхватили его и оно пошло переходить изъ устъ въ уста. На скамьяхъ торопливо засуетились люди, желая на него поближе взглянуть. Ильдери́ма также всѣ узнали и радостно привѣтствовали. Но никто не узналъ ни Валтасара, ни

двухъ женщинъ, подъ густыми ву-
алами, слѣдовавшихъ за нимъ.

Народъ почтительно разступился
передъ ними и служители цирка по-
мѣстили ихъ внизу въ почетныхъ
рядахъ. Сидѣнъ имъ служили по-
душки, которыя ихъ рабыни прине-
ли съ собой.

Это были дочь Валтасара Ира и
Эсфирь.

— Смотрите, смотрите, слыша-
лись голоса.—Это Симонидъ, нашъ
купецъ, первый богачъ въ мѣрѣ. А то—
его дочь со своей подругой!

Трубачи протрубили призывъ къ
началу. Необычный румянецъ на лицѣ
Симонида свидѣтельствовалъ о томъ,
что и онъ поддакъ общему возбужде-
нію. Ильдѣримъ теребилъ себѣ бороду.

Затѣмъ по данному знаку приврат-
ники разомъ распахнули ворота. Изъ
нихъ подобно пущеннымъ бомбамъ
вылетѣли двѣ колесницы: одна Мес-
салы и другая Бенъ-Хура. И все
громадное собраніе воспрянуло, вско-
чило на скамьи и стало кричать и
хлопать въ ладоши. Наконецъ-то на-
стало то мгновеніе, котораго всѣ
такъ нетерпѣливо ожидали.

— Вотъ онъ! Смотрите! кричали
одни.—Вотъ нашъ благородный Мес-
сала!

А другіе съ своей стороны кричали:—
Посмотрите на этого прекраснаго сына
Аррія! Какъ сильны его руки! Какая
у него благородная осанка!

На состязавшихся были устремлены
теперь глаза всего цирка.

Скачки начались. Все на аренѣ

вдругъ поднялось вихремъ. Застучали
колеса колесницъ, послышался храпъ
коней и пыль облакомъ поднялась
къ небу. Кого-то переѣхали, на что-
то наѣхали, слышались стоны и крики
пострадавшихъ и что-то затрещало.
Эсфирь въ ужасѣ закрыла глаза.

— Я перегоню тебя, бѣглый ка-
торжникъ! послышался вдругъ изъ
вихря пыли голосъ Мессалы.

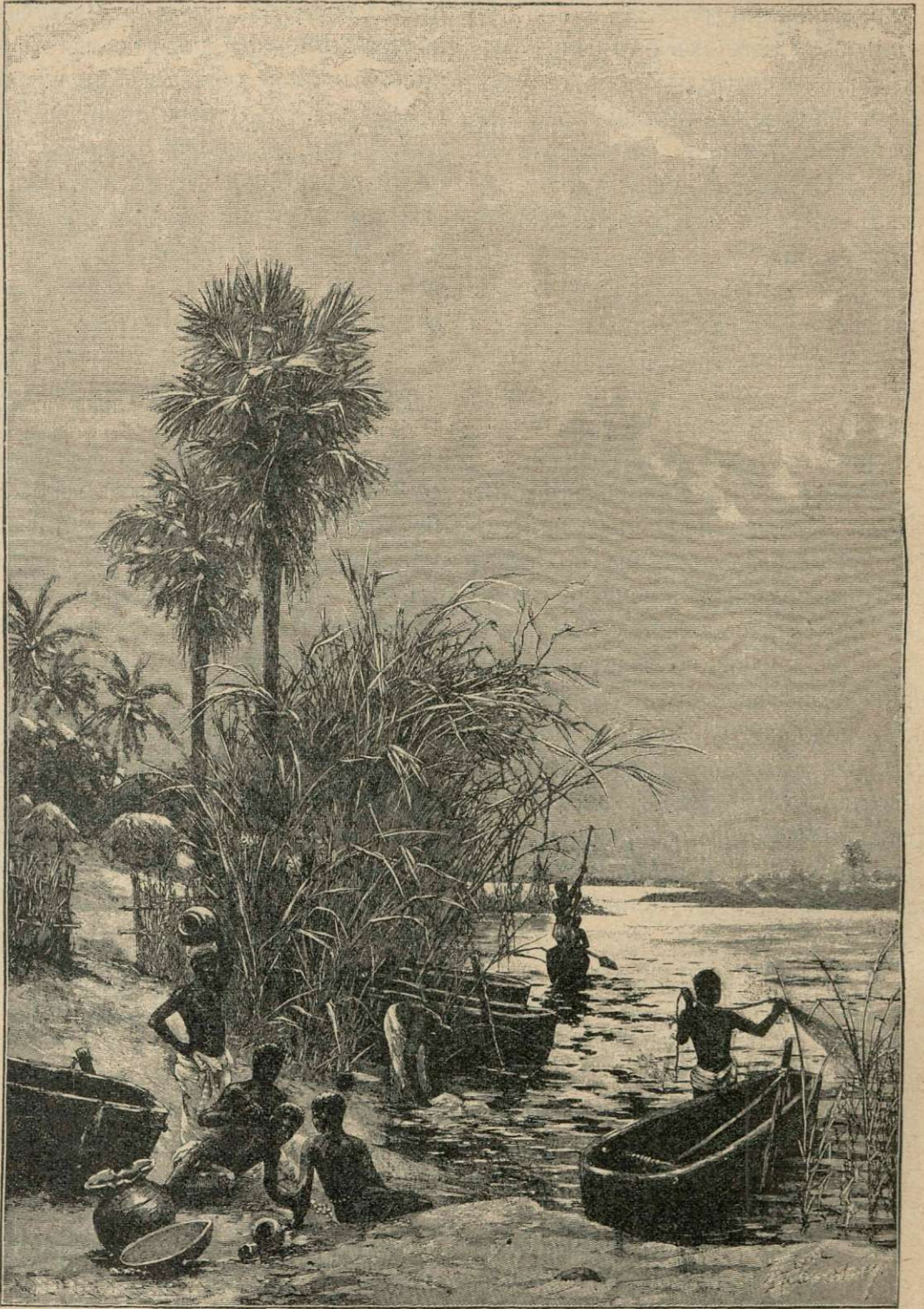
— Попытайся и ты увидишь! раз-
дался ему въ отвѣтъ мягкій, звучный
голосъ Бенъ-Хура.

Мессала хлестнулъ по лошадямъ,
онѣ взвились на дыбы и стрѣлой
помчали его впередъ. Онъ перегналъ
Бенъ-Хура. Симонидъ въ испугѣ про-
теръ себѣ глаза и присмотрѣлся къ
колесницамъ. Мессала скакалъ впе-
редъ, но и Бенъ-Хуръ мчался вслѣдъ
за нимъ стрѣлою.

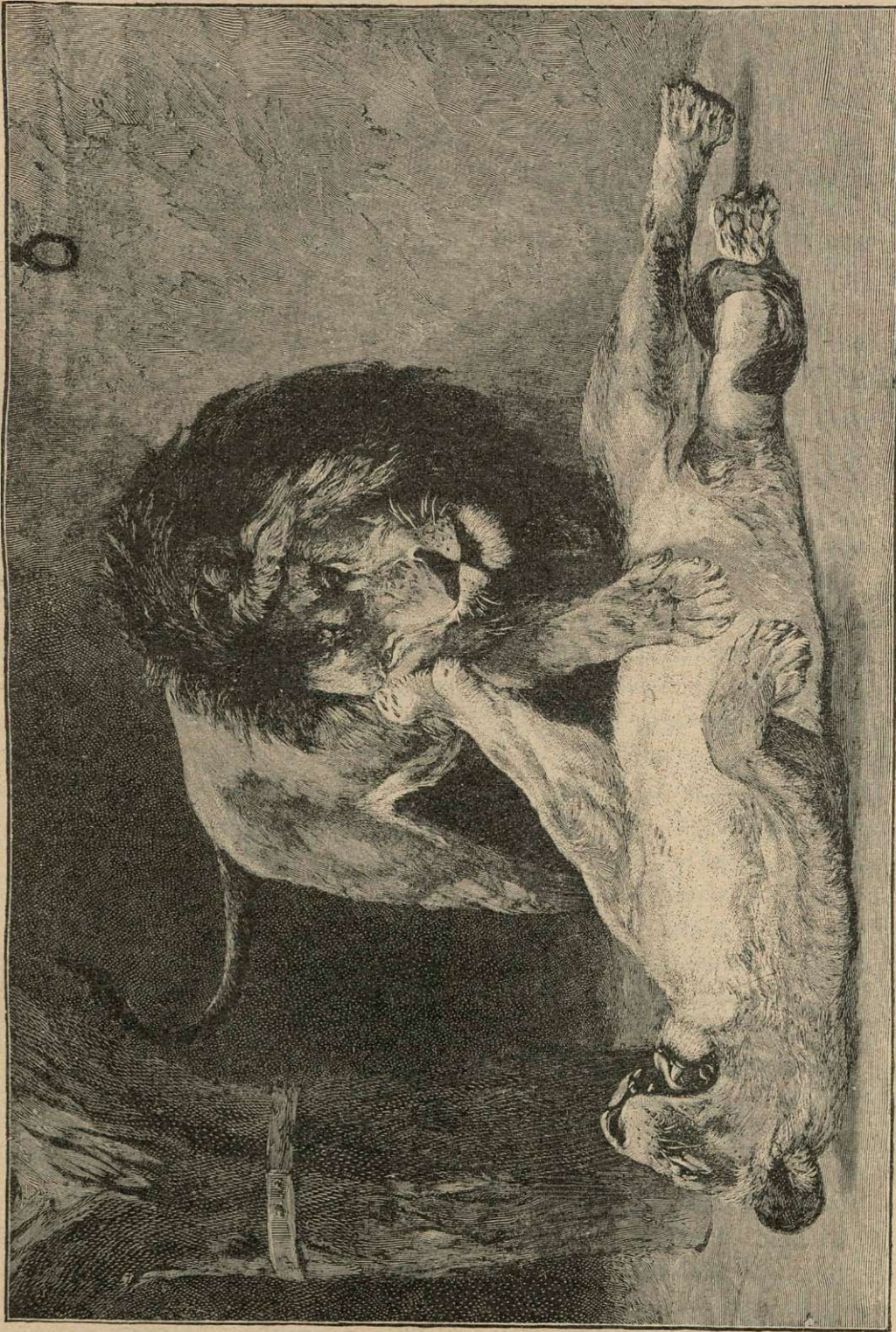
— Bravo, Мессала! кричала толпа.—
Съ нами Юпитеръ! Скорѣе! Не давай
перегнать себя этому еврею!

Когда Эсфирь рѣшилась снова
взглянуть, то Бенъ-Хуръ уже снова
ѣхалъ рядомъ съ Мессалой. Лицо его
сіяло. Никогда еще онъ не чувствовалъ
себя болѣе самоувѣреннымъ, чѣмъ въ
эту минуту. Пусть Мессала хлещетъ
по своимъ лошадямъ, пусть онѣ
выбиваются изъ силъ, зато лошади
Иуды были еще свѣжи!

Теперь противники мчались рядомъ.
Во всемъ циркѣ сразу водворилась
глубокая тишина. Еще одно мгнове-
ніе или два и Мессала первый до-
скачетъ до цѣли и выиграетъ громад-
ное пари.

Въ глубинѣ Африки.

Играющие львы.

И теперь, когда они поровнялись и ѣхали рядомъ, Мессала взглянулъ на Бенъ-Хура и лицо его исказилось ненавистью къ этому еврею, съ которымъ онъ когда-то былъ такъ близко друженъ. И вдругъ, не будучи въ состояніи овладѣть собой и желая нанести еще большее оскорбленіе Іудѣ, онъ самымъ неожиданнымъ образомъ изо всѣхъ силъ ударилъ своей плетью по чуднымъ лошадямъ Бенъ-Хура.

— Долой еврея! закричалъ онъ во весь голосъ.—Смерть каторжнику и бѣглому рабу!

Благородныя животныя, до которыхъ ни разу въ жизни еще не касался кнутъ, бѣшено рванулись впередъ. Но откуда у Бенъ-Хура были такіе сильные мускулы? Откуда у него такая крѣпость въ пальцахъ, что онъ могъ теперь управлять этими разсвирѣпѣвшими лошадьми? Да откуда же, какъ не благодаря весламъ, которыми такъ долго ему пришлось бороться съ моремъ? И что значила теперь эта происходившая подъ нимъ бѣшеная тряска колесницы въ сравненіи съ тою качкой судна на полномъ ходу, которою въ былые годы весь дрожавшій корабль отвѣчалъ на удары бушевавшихъ волнъ? И такъ, онъ удержался на мѣстѣ и, давъ четверкѣ полную свободу, помчался впередъ.

— Bravo, сынъ Аррія! Bravo! закричала толпа.—Долой Мессалу!

Когда колесницы вихремъ мчались мимо Эсфири, то она успѣла уловить на моментъ выраженіе лица Бенъ-

Хура; оно было блѣднѣе обыкновеннаго, слегка приподнято, но спокойно вполне.

Три круга пройдены. Мессала опять догналъ Іуду и снова поѣхалъ рядомъ съ нимъ. Теперь нужно было проходить четвертый, но уже послѣдній кругъ. Кто-нибудь изъ нихъ одинъ долженъ остаться побѣжденнымъ. И сознавая всю важность минуты, оба наѣзdnика дернули за возжи. Казалось, и животныя теперь уже понимали, что конецъ близокъ и что недалеко то время, когда выяснится, кто побѣдитъ. На всѣхъ скамьяхъ зрители наклонились впередъ и сидѣли не шелохнувшись. Ильдеримъ пересталъ поглаживать свою бороду, а Эсфирь затаила дыханіе. Наѣзdnики мчались, какъ вѣтеръ.

— Спѣши, еврей! вдругъ закричали Бенъ-Хуру зрители.

— Впередъ, сынъ Аррія! закричали другіе.—Дай волю своимъ лошадямъ! Бичемъ ихъ, бичемъ!

— Отчего ты не хлещешь своихъ лошадей? закричали третьи.

Но Іуда уже ничего не слыхалъ. Онъ мчался теперь такъ, какъ можетъ мчаться только стрѣла. Лицо его оживилось, глаза заблестали.

— Впередъ, мои голуби! кричалъ онъ лошадямъ.—Вы еще свѣжи, не устали и побѣда еще за вами!

И лошади Бенъ-Хура помчались еще съ большей быстротой. Мессала сталъ бить своихъ лошадей, онѣ тоже помчались впередъ и скоро

опять перегнали Іуду. Этого только и ждалъ еврей.

— Держись! закричалъ онъ Мессалѣ и всею своей четверней наскокилъ на его колесницу.

Послышался трескъ, громкій настолько, что дрожь пробѣжала по всему цирку. И арена мгновенно покрылась бѣлыми и желтыми обломками колесницы. Мессала упалъ на правый бокъ и, ударившись осью о твердую землю, его колесница отскочила и—разъ и два—разлетѣлась въдребезги. Запутавшись въ возжахъ, Мессала полетѣлъ внизъ головою. Къ довершенію ужаснаго зрѣлища и для того, чтобы смерть была неминуема, Бенъ-Хуръ полнымъ ходомъ проѣхалъ по обломкамъ, переѣхалъ черезъ Мессалу и врѣзался въ его четверню, обезумѣвшую отъ ужаса. Затѣмъ онъ выбрался изъ суматохи бившихся лошадей и густого облака пыли и песку и помчался далѣе. Народъ поднялся со скамей. Многіе вскочили, ликуя, и оглашали воздухъ криками. Смотрѣвшіе въ сторону крушенія видѣли Мессалу, какъ онъ мелькалъ то подъ ногами топтавшихъ его лошадей, то подъ обломками колесницы. Онъ не шевелился. Но несравненно больше зрителей слѣдило глазами за Бенъ-Хуромъ. Онъ преобразился, всѣ почувствовали на себѣ тотъ пылъ и то воодушевленіе, которые внезапно охватили его, всѣ видѣли его отвагу.

Теперь онъ былъ побѣдителемъ. Народъ кричалъ до хрипоты. Рас-

порядитель всталъ со своего мѣста, подошелъ къ нему и увѣнчалъ его вѣнкомъ.

Амбаллатъ выигралъ свое пари и всѣ 20 милліоновъ, проигранныхъ Мессалой, торжественно, при всѣхъ, вручилъ Бенъ-Хуру.

— А что Мессала? спросилъ Іуда.

Ильдери́мъ указалъ ему на арену. Четверо носильщиковъ подобрали Мессалу и несли его куда-то вонъ изъ цирка. Онъ весь былъ въ крови.

— Онъ живъ? спросилъ Бенъ-Хуръ.

— Живъ, отвѣтилъ кто-то,—но у него сломаны обѣ руки и обѣ ноги. Теперь уже онъ останется калѣкой навѣки.

— Это хорошо... сквозь зубы проворчалъ Ильдери́мъ. — Теперь ужъ онъ не будетъ причинять столько зла! И взявши за руку Бенъ-Хура, онъ отвелъ его къ сторонѣ.

— Теперь надо спѣшить, сказалъ онъ.—Сядемъ поскорѣе на коней и поѣдемъ ко мнѣ въ пустыню, гдѣ тебя уже ждутъ.

— Зачѣмъ? спросилъ Бенъ-Хуръ.

— Тебѣ римляне будутъ мстить. Мы должны тебя защитить.

— Это вѣрно, сказалъ и Маллухъ.—Мой господинъ Симонидъ тоже совѣтуетъ тебѣ это сдѣлать и при томъ сейчасъ-же.

Бенъ-Хуръ посмотрѣлъ въ сторону Симонида. Его уже уносили слуги домой и сбоку его гордо выступала Эсфирь. Увидѣвъ Бенъ-Хура, она привѣтливо закивала ему головой.

— Какая прекрасная твоя рабыня! обратился къ Іудѣ Ильдеримъ.

Бенъ-Хуръ покраснѣлъ и опустил глаза.

— Она мнѣ не рабыня, отвѣтилъ онъ. — Я былъ-бы счастливъ, если-бы она согласилась быть моей госпожой.

— И будетъ! воскликнулъ въ восторгъ Ильдеримъ.

И они стали собираться въ путь.

— Прощай, Маллухъ! обратился къ товарищу Бенъ-Хуръ.

— Прощай, господинъ! отвѣтилъ Маллухъ. — Увидимся-ли еще когда-нибудь?

Слезы мѣшали ему говорить.

— Да, мы увидимся... отвѣтилъ ему Бенъ-Хуръ. — И не разъ.

— Когда-же и гдѣ?

— Быть можетъ, въ Іерусалимѣ.

— Но попаду-ли я туда? Да и зачѣмъ?

— Мы всѣ попадемъ туда, отвѣтилъ Бенъ-Хуръ, — потому что всѣ мы должны встрѣтить тамъ грядущаго Христа!

Маллухъ поцѣловалъ его въ плечо и удалился, а Бенъ-Хуръ и Ильдеримъ сѣли на коней и ускакали неизвестно куда.

Вскорѣ и лагерь Ильдерима, который находился у роши Пальмъ, снялся съ мѣста, собралъ свои палатки и незамѣтно скрылся, тоже неизвестно куда.

На другой день Эсфирь получила отъ Бенъ-Хура съ дороги письмо:

«Если я найду своихъ мать и се-

стру, писалъ онъ ей, — то пойдешь-ли ты со мной въ Іерусалимъ и станешь-ли ты моей женой?»

Съ тѣмъ-же посланнымъ она послала ему отвѣтъ:

«Ты мой господинъ, я могу быть счастлива даже будучи твоей рабыней».

Посланный догналъ Бенъ - Хура около Іерусалима и вручилъ ему этотъ отвѣтъ.

Бенъ Хуръ прочиталъ его и горячо поцѣловалъ. Затѣмъ онъ простился съ Ильдеримомъ и пѣшкомъ отправился въ Іерусалимъ, а Ильдеримъ поѣхалъ къ себѣ въ пустыню.

XIII.

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ.

За это время въ Палестинѣ произошло большая перемѣна: вмѣсто Валерія Грата былъ назначенъ новый губернаторъ Понтій Пилать, тотъ самый, при которомъ пострадалъ Іисусъ Христосъ. Вступивъ въ управленіе Палестиной, Пилать прежде всего приказалъ произвести немедленный осмотръ всѣхъ тюремъ въ Іудеѣ, такъ какъ слышалъ, что его предмѣстникъ Валерій Гратъ сажалъ въ нихъ безъ всякаго суда и правыхъ и виноватыхъ. Этотъ осмотръ обнаружилъ поразительныя вещи: народъ въ тюрьмахъ просто гнилъ ни за что; поэтому сотни лицъ были тотчасъ же освобождены, и многія лица, прежде знатныя и богатые, но разоренныя Графомъ и Мессалой и давно считавшіяся умершими, вышли

на свѣтъ Божій; еще удивительнѣе того было открытіе такихъ темницъ, которыя не только не были извѣстны народу, но были забыты и самимъ тюремнымъ начальствомъ. Начальникъ одной изъ такихъ тюремъ, по имени Гезій, явился къ Пилату и разсказалъ ему слѣдующее:

— Около восьми лѣтъ тому назадъ, когда я только-что былъ назначенъ на должность смотрителя тюрьмы, случился на улицахъ Иерусалима какой-то скандалъ: кто-то изъ евреевъ швырнулъ въ Грата черепицей и кого-то онъ посадилъ за это въ тюрьму. Онъ вызвалъ меня къ себѣ и вручилъ мнѣ отъ этой тюрьмы ключи: — «Гезій, обратился онъ ко мнѣ, — въ этой тюрьмѣ есть камера № 5; въ ней содержатся три чело-вѣка; они сильно наказаны; у нихъ выколоты глаза, отрѣзаны языки и они заключены пожизненно. Имъ не дается ничего, кромѣ хлѣба и воды, и то въ крошечное отверстіе въ стѣнѣ. Дверь въ эту камеру № 5 задѣлана наглухо и не должна открываться никогда!» — А если они умрутъ тамъ? спросилъ я его. — «Тогда пусть они тамъ и сгниютъ!» отвѣтилъ Гратъ. — Они туда посажены, чтобы тамъ умереть и быть забытыми навсегда!» Затѣмъ онъ меня отпустилъ.

— Ну, и что же изъ этого? спросилъ Понтій Пилатъ.

— Теперь слушай далѣе, о великій правитель, продолжалъ Гезій, — и суди самъ. По твоему приказу я обошелъ всѣ камеры моей тюрьмы

и выпустилъ изъ нихъ всѣхъ содержащихся тамъ арестантовъ. Когда же я взломалъ дверь въ камеру № 5, то въ ней оказалось не три чело-вѣка, какъ говорилъ мнѣ Гратъ, а всего только одинъ. Онъ былъ старъ, голъ, слѣпъ и лишенъ языка. Его кожа была, какъ этотъ пергаментъ, ногти на пальцахъ загибались и закручивались, какъ птичьи когти. Я спросилъ его, гдѣ его сотоварищи? Онъ отрицательно закивалъ головой. Тогда мы обыскали его камеру, думая найти и остальныхъ, но ихъ вовсе не оказалось. Здѣсь было трое заключенныхъ, и если бы двое изъ нихъ умерли, то послѣ нихъ сохранились бы ихъ кости. Слѣдовательно, былъ заключенъ всего только одинъ.

— Но какъ же ты смѣлъ, строго крикнулъ на него Пилатъ, выдавать пищу не на одного, а на троихъ въ теченіи цѣлыхъ восьми лѣтъ? Значитъ, ты эту пищу кралъ себѣ?

— Никакъ нѣтъ, смѣло отвѣтилъ Гезій. — Ты знаешь только половину всей исторіи, о великій Пилатъ! Я послалъ того узника въ баню, обулъ и одѣлъ его, вывелъ за ворота и отпустилъ на всѣ четыре стороны. Онъ ушелъ, но скоро вернулся опять. Его привели ко мнѣ. Горько плача, онъ знаками объяснилъ мнѣ, что желаетъ возвратиться въ свою камеру. Когда его повели туда, то онъ палъ на землю, сталъ цѣловать мнѣ ноги, умоляя меня, чтобы и я тоже пошелъ вмѣстѣ съ нимъ. Я пошелъ. Тайна трехъ заключенныхъ не выхо-

дила у меня изъ головы, и я не былъ спокоенъ. Теперь я радъ, что я уступилъ его просьбѣ.

Пилать и его свита затаили дыханіе.

— Когда мы опять вошли въ камеру № 5, продолжалъ Гезій, то узникъ взялъ меня за руку и повелъ къ отверстію, пробитому въ противоположной стѣнѣ, подобному тому, сквозь которое мы передавали ему пищу. Вчера, когда я былъ въ его камерѣ, оно ускользнуло отъ моего вниманія, хотя оно настолько велико, что въ него свободно можно просунуть голову. Продолжая держать мою руку, онъ приблизилъ свое лицо къ отверстію и крикнулъ въ него, какъ звѣрь. На этотъ крикъ кто-то откликнулся изъ глубины. Значитъ тамъ, за этой глухой стѣной, была еще одна камера, о которой мы не знали вовсе. Я былъ пораженъ, потянулъ его назадъ и закричалъ самъ:— «Эй, сюда!» Сначала не было отвѣта. Я снова позвалъ и получилъ вдругъ оттуда, изъ темноты, точно изъ погребца, отвѣтъ:— «Слава Тебѣ, Боже! Слава Тебѣ, Боже!..» Голосъ былъ женскій. Я спросилъ:— Кто ты?— и мнѣ отвѣтили:— «Еврейка, погребенная здѣсь вмѣстѣ съ дочерью». Я сказалъ имъ, чтобы онѣ ободрились и вотъ поспѣшилъ къ тебѣ сюда, чтобы узнать, какъ ты прикажешь поступить?

Пилать поспѣшно всталъ.

— Какая подлость! воскликнулъ онъ брезгливо.— Какой Валерій Гратъ негодяй!

— Еще одно слово, продолжалъ Гезій.— Я узналъ отъ того заключеннаго, что онъ аккуратно передавалъ этой женщинѣ и ея дочери пищу и питье, которые получалъ самъ на троихъ.

— Это надо разслѣдовать, сказалъ Пилать и посмотрѣлъ на своихъ чиновниковъ.— Необходимо ту женщину допросить. Пойдемте всѣ!

Гезій былъ доволенъ.

— Мы пробьемъ стѣну, сказалъ онъ.— Я нашелъ мѣсто, гдѣ когда-то была дверь, но она задѣлана камнями и замазана известью!

И черезъ нѣсколько минутъ всѣ отправились въ тюрьму.

Обѣ женщины были у отверстія; одна сидѣла, другая прислонилась къ ней. Обѣ онѣ были похожи на тѣни; на нихъ не было никакой одежды; онѣ обнимали другъ дружку. Кто скажетъ, сколько разъ за всѣ эти восемь лѣтъ онѣ сидѣли у этого отверстія, ожидая увидѣть хоть маленькій лучъ радостной надежды? Въ потолокъ была маленькая трещина. Черезъ нее чуть-чуть проникалъ къ нимъ свѣтъ. Когда онъ усиливался, то онѣ знали, что былъ день; когда погасалъ, то онѣ знали, что наступила ночь. Одна разговаривала о сынѣ, а другая— о братѣ. Онѣ говорили:— «Пока онъ живъ, мы не будемъ забыты; пока онъ насъ помнитъ, есть еще надежда». Обѣ онѣ подверглись большой перемѣнѣ. Ихъ волосы были длинны, нечесаны и бѣлы. На нихъ отвратительно было смотрѣть. Къ тому же онѣ не пили и не ѣли съ тѣхъ поръ,

какъ ихъ прислужникъ-каторжникъ былъ удалень, т. е. со вчерашняго дня.

Это были сестра Бенъ-Хура, когда-то прекрасная Тирса, и ея мать.

— Я хочу пить... говоритъ Тирса.—Я не пила со вчерашняго дня...

— Успокойся, дитя мое, отвѣчаетъ ей мать.—Кто-нибудь вспомнеть о насъ и принесеть.

— Воды, мама, воды... Хоть одну каплю!.. Я изнемогаю отъ жажды!

Мать оглядывается вокругъ безпомощно.

— Потерпи, Тирса, говоритъ она.— Они придутъ и принесутъ.

— Кто «они»?

— Не знаю...

И ей слышится вдругъ у отверстія чей-то крикъ. Да, она не ошиблась. Это звѣриный ревъ ея каторжника—сосѣда. Тирса также слышитъ его, обѣ вскакиваютъ и жмутся другъ къ другу.

— Слава Богу! говоритъ мать.— Они несутъ намъ воды.

— Эй, сюда! слышится вдругъ чей-то другой, незнакомый голосъ.—Кто ты?

Мать собираетъ всѣ свои силы и громко отвѣчаетъ:

— Еврейка, погребенная здѣсь вмѣстѣ съ дочерью!

— Ободришь, жди! Я скоро возвращусь! слышится снова незнакомый голосъ.

Женщина громко зарыдала. Онѣ найдены; помощь пришла. Ихъ нащли, ихъ освободятъ. Все будетъ возвращено, — все, что было отнято —

домъ, имущество, сынъ и братъ! Скудный свѣтъ изъ щелки въ потолокъ манилъ ихъ блескомъ дня и въ полномъ забвеніи страданій, печали, голода и жажды, даже страха смерти, онѣ пали на полъ и рыдали, рыдали безъ конца.

Имъ не пришлось долго ждать. Понтій Пилатъ дѣйствовалъ быстро, руки работавшихъ были крѣпки и скоро послышался звукъ ударовъ о стѣну желѣзными заступами и ломами.

— Сюда! кричала имъ мать, слышавъ ихъ голоса.—Сюда! Ко мнѣ!

Было слышно, теперь, какъ падали глыбы. Свобода становилась все ближе и ближе. Теперь уже можно было ясно слышать голоса рабочихъ. Сквозь щель блеснула красная полоса свѣта факела. Среди мрака она рѣзко била въ глаза.

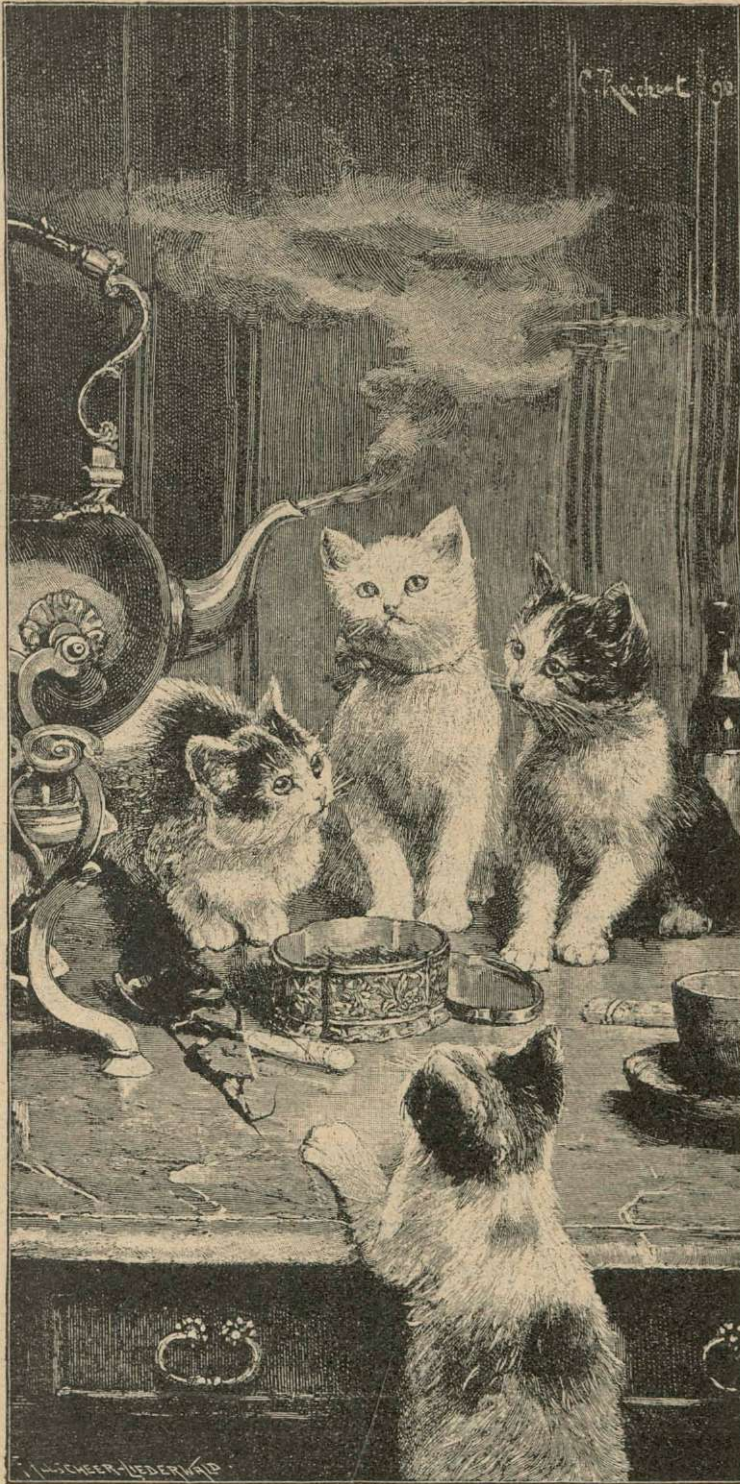
— Мама, это онъ! кричала отъ радости Тирса.—Это онъ, нашъ Иуда. Наконецъ онъ насъ нашель!

Но мать кротко отвѣчала:— Кто знаетъ?

Отвалился кирпичъ, затѣмъ другой, потомъ огромная глыба и дверь была открыта. Человѣкъ, весь въ извѣсткѣ, вошелъ и остановился, держа факель надъ головой. Двое или трое слѣдовали за нимъ съ факелами и стали по бокамъ, давъ дорогу Понтію Пилату.

— Не приближайся къ намъ! вдругъ закричали ему женщины.—Мы нечистыя, нечистыя!

Люди приподняли факелы и переглянулись.

Кажется, чайникъ живой!

— Нечистыя, нечистыя! слышалось снова изъ угла медленное, дрожащее, жалобное, полное горести восклицаніе.

Мать и Тирса были поражены проказой. Онѣ заразились ею въ этой тюрьмѣ.

Къ прокаженнымъ относились всѣ, какъ къ мертвецамъ; съ ними разговаривали только издалека, такъ какъ болѣзнь была слишкомъ заразительна; они изгнаны изъ города, такъ какъ были лишены всѣхъ правъ; они ходили въ рубищѣ съ прикрытыми ртами, чтобы дыханіемъ не распространяли заразы; они обитали въ пещерахъ или пустыхъ гробницахъ. И ни одинъ докторъ въ мірѣ не могъ излечить ихъ отъ этой страшной разрушающей болѣзни.

— Кто вы? спросилъ Пилать.

— Двѣ женщины, умирающія отъ жажды, отвѣтила мать. Но не подходи къ намъ, иначе и ты самъ сдѣлаешься нечистымъ.

Въ бурю.

— Расскажи мнѣ, женщина, кто ты? снова спросилъ Пилатъ.

Она рассказала ему все.

Воздухъ былъ тяжелъ отъ дыма факеловъ и отъ заразы, но Пилатъ позволилъ одного изъ воиновъ къ себѣ.

— Ты долженъ принести имъ одежду, обратился онъ къ нему,—и воды, чтобы онѣ омылись.

— Слушаю, господинъ, отвѣтилъ воинъ.

И затѣмъ всѣ вышли.

Около полуночи обѣихъ заклю-

ченныхъ проводили къ городскимъ воротамъ и вывели на дорогу.

— Убирайтесь, куда хотите, сказали имъ.— Но не смѣйте входить въ Иерусалимъ!

Теперь онѣ были свободны. Выходя изъ тюрьмы, онѣ были веселы, какъ прежде, съ любопытствомъ оглядывались по сторонамъ и затѣмъ вдругъ задали себѣ вопросъ:

— Что намъ теперь дѣлать? Куда идти? Вѣдь мы—нечистыя!

(Продолженіе слѣдуетъ).

СКРИПКА.

Когда дядя-Яша,—старшій братъ нашего отца, умеръ, то мы, дѣти, не пожалѣли о немъ нисколько, потому что почти не знали его; а то, что мы слышали о немъ, вовсе не располагало къ привязанности къ нему; правда, папа никогда ничего не говорилъ о немъ, но наша мачеха часто, въ нашемъ присутствіи, называла его скрягой. Она ненавидѣла его.

Дядя-Яша жилъ у насъ въ домѣ, на чердакѣ, въ маленькой холодной комнаткѣ и я долженъ сознаться, что мы часто забывали о немъ, живъ онъ тамъ, или нѣтъ. Намъ было не до него. Онъ часто хворалъ, но, какъ нелюбимый въ семьѣ человекъ, молча и одиноко переносилъ свои страданія. Повидимому, онъ очень любилъ дѣтей, потому

что, спускаясь со своего чердака и встрѣчаясь съ нами, онъ всегда ласково намъ улыбался, но мы были уже настроены нашей мачехой противъ него и старались тотчасъ же разбѣжаться отъ него въ разныя стороны; да оно было и понятно: онъ жилъ у насъ на хлѣбахъ.

Дядя-Яша очень любилъ играть на скрипкѣ и часто мы слышали ея звуки, доносившіеся къ намъ съ чердака. Но хорошо ли онъ игралъ или дурно, я не знаю, такъ какъ никогда не слыхалъ его игры вблизи.

— Ну ужъ запилить! ворчала наша мачеха, заслышавъ звуки скрипки.

Мой старшій братъ Коля, гимназистъ 3-го класса, тоже игралъ на скрипкѣ и часто, тайкомъ, бѣгалъ къ дядѣ на чердакъ, чтобы послу-

шать его и поучиться у него. Отъ него онъ возвращался всегда восторженный, съ блестящими глазами, и тотчасъ-же принимался играть на скрипкѣ у себя. Нашей мачехѣ это не нравилось. Она отнимала у Коли скрипку и прятала ее.

— Если-бъ ты зналъ, обратился однажды ко мнѣ Коля, какой нашъ дядя-Яша хорошій человекъ и какъ онъ хорошо играетъ!

Но я не обратилъ вниманія на его слова и попрежнему старался сторониться дяди.

Но вотъ дядя-Яша умеръ. Послѣ него осталось духовное завѣщаніе, въ которомъ онъ все свое имущество, въ томъ числѣ и скрипку, завѣщаль намъ: папѣ, Колѣ, мнѣ и нашей маленькой сестренкѣ Надѣ. При этомъ онъ оставилъ письмо, въ которомъ въ искреннихъ, теплыхъ выраженіяхъ благодарилъ папу и мачеху за то, что они давали ему пріютъ и пропитаніе, и, высказывалъ, какъ горячо онъ любилъ насъ, дѣтей, и своего брата—нашего папу. Къ сожалѣнію, писалъ онъ,—онъ рѣдко видѣлъ насъ, но это не мѣшало ему часто заглядываться на насъ изъ своего слухового окна, когда мы бѣгали по двору. Онъ очень просить папу сдѣлать все отъ него возможное, чтобы нашъ Коля выучился играть на скрипкѣ, такъ какъ, по его мнѣнію, у Коли былъ большой музыкальный талантъ.

Тотчасъ же послѣ смерти дяди наша мачеха отправилась къ нему

на чердакъ, но все, что тамъ осталось послѣ него, составляло старый хламъ, не представлявшій собою никакой цѣнности. Мачеха долго искала денегъ и заглядывала въ каждую щелочку, въ каждый уголокъ, но такъ ихъ нигдѣ и не нашла. Она была увѣрена въ томъ, что дядя былъ богатъ, но только скупъ, и потому была очень разочарована, когда убѣдилась, что денегъ не осталось вовсе.

Вскорѣ послѣ смерти дяди слегъ и нашъ отецъ. Мы всѣ его крѣпко любили и потому пришли въ ужасъ отъ его болѣзни. А ему становилось все хуже и хуже и дѣло кончилось наконецъ тѣмъ, что умеръ и онъ. Мы остались круглыми сиротами.

Насъ, дѣтей, осталось трое: братъ Коля, я и сестра Надя. Мнѣ было десять лѣтъ, Колѣ двѣнадцать, а Катѣ—семь. Какъ только умеръ папа, Коля и я рѣшили вовсе не поступать въ школу, а опредѣлиться куда-нибудь на службу, чтобы получать жалованье и содержать на него мачеху и сестру. Но мачеха не хотѣла объ этомъ и слышать. Наоборотъ, она отвезла всѣхъ насъ троихъ въ другой, сосѣдній городъ и отдала тамъ въ пансіонъ, вѣроятно, для того, чтобы отвязаться отъ насъ и остаться одной. Мы прожили въ чужомъ городѣ до Рождества, очень скучали по своему двору, и наконецъ съ радостью пріѣхали на праздники домой.

Дома мы сразу же замѣтили боль-

шую перемену, происшедшую въ наше отсутствіе: во всей нашей квартирѣ стало вдругъ какъ-то пусто и бѣдно. Оказалось, что у нашей мачехи было продано уже все, и за отсутствіемъ жалованья, которое получалъ при жизни папа, ей приходилось продавать различные предметы домашняго обихода и уплачивать вырученными деньгами за насъ въ пансіонъ и жить самой. Однимъ словомъ, она едва сводила концы съ концами. Теперь ужъ она и сама объявила намъ, что больше мы уже не поѣдемъ въ пансіонъ, такъ какъ нечѣмъ за насъ платить. Конечно, мы этому обрадовались, но наша мачеха такъ переѣдилась съ лица за эти полгода, такъ осунулась и постарѣла, что намъ жалко было на нее смотрѣть.

Всѣ праздники прошли скучно, безъ копѣйки денегъ. Мачеха старалась казаться бодрой, но все-таки часто плакала. Она это дѣлала тайкомъ, въ другой комнатѣ, но когда она выходила потомъ къ намъ съ красными заплаканными глазами, то всѣ мы уже знали, что это означало. Бѣдная, бѣдная наша вторая мама!

У насъ была тетя, сестра нашей мачехи. Звали ее — тетя Катя. Она была моложе нашей второй мамы и мы, дѣти, очень ее любили. Мы уже давно не видѣли ея, такъ какъ она вышла замужъ за офицера и должна была уѣхать съ нимъ далеко въ провинцію еще до смерти нашего дяди Яши. Услышавъ о смерти нашего

папы, она улучила свободную минуту и пріѣхала къ намъ, чтобы утѣшить свою сестру. Конечно, мы, дѣти, обрадовались ей и она должна была рассказывать намъ исторіи съ первой-же минуты своего появленія у насъ. Мы обступили ее со всѣхъ сторонъ и не давали ей прохода. Послѣ чая мачеха спросила ее, не желаетъ-ли она подняться на чердакъ чтобы осмотрѣть старый хламъ, оставшійся послѣ дяди-Яши?

— Я, право, не знаю, сказала она, что мнѣ и дѣлать съ его мебелью. Оставить—только мѣсто занимаетъ, а продать никто и копѣйки не дастъ. Можетъ быть, ты мнѣ посоветуешь что-нибудь?

Тетя-Катя согласилась и онѣ отправились на чердакъ. Мы всѣ трое послѣдовали за ними.

Пока мачеха и тетя Катя разговаривали между собой, я и Коля принялись за разсматриваніе дядиныхъ книгъ, а сестра занялась чѣмъ-то въ другомъ концѣ коморки, какъ вдругъ раздался ея радостный крикъ:

— Посмотрите, какая скрипка!

Коля, любившій музыку безъ ума, тотчасъ-же бросился къ сестрѣ, схватилъ у нея изъ рукъ скрипку, приставилъ ее себѣ къ подбородку и сталъ дѣлать видъ, что играетъ на ней. Онѣ дѣлалъ видъ, потому что играть на ней было нельзя, такъ какъ струны на ней не было, а смычокъ куда-то затерялся. Когда онѣ такъ игралъ, размахивая правой рукой, точно въ ней былъ смычокъ,

Въ наводненіе.

а пальцами лѣвой перебиралъ, точно по струнамъ, Надя какъ-то случайно толкнула его, онъ выронилъ скрипку и она упала на полъ и разбилась.

Мы всѣ вскрикнули и подбѣжали къ скрипкѣ.

— Смотрите! воскликнулъ я, увидавъ что-то бѣлое внутри скрипки. — Въ ней что-то есть!

— А ну-ка, покажи! отвѣтила тетя-Катя.

Я вытащилъ изъ разбитой скрипки бѣлый узелокъ и подалъ его тетѣ-Катѣ.

Схвативши его, она опустилась на колѣни и тутъ-же, на полу, стала его развязывать.

Въ немъ оказались деньги. Много

денегъ! Мачеха выхватила ихъ у нея изъ рукъ и стала считать...

Тутъ-же оказалось и письмо. Тетя-Катя распечатала его и прочла вслухъ слѣдующее:

«Я такъ любилъ васъ и вашихъ дѣтей, что отказывалъ себѣ во всемъ, чтобы только сберечь для васъ эти деньги. Дайте на нихъ образование вашимъ дѣтямъ, научите ихъ уважать людей, цѣнить ихъ труды и ихъ добрыя чувства. Эту скрипку отдайте склеить. Это—драгоценная скрипка и оттого, что она разбита и будетъ склеена вновь, звукъ у нея будетъ еще лучше. Пусть на ней учится играть нашъ талантликъ—Коля. Прощайте, мои милые, мои дорогіе, которыхъ я такъ горячо любилъ!»

Мы долго молчали, потрясенные этимъ письмомъ. По щекамъ у нашей мачехи струились слезы. Она крестилась.

— Господи, прости меня, вздыхала она.—Прости меня за то, что я такъ скверно обходилась съ этимъ человекомъ!..

И мы молча всѣ спустились внизъ. Казалось, что между нами невидимо присутствовалъ нашъ милый дядя-Яша, котораго мы не умѣли при жизни оцѣнить.

Нужно-ли говорить о томъ, что я, Коля и Надя получили отличное образование, что наша мачеха до самой своей смерти прожила, не зная горя, и что изъ нашего Коли вышелъ великій музыкантъ? Е. Д.

ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ.

- 1) Что находится въ самомъ началѣ моря?
- 2) Чѣмъ кончается Волга?
- 3) За столомъ сидѣли: двѣ бабушки и двѣ внучки; двѣ матери и двѣ дочери; прабабушка, двѣ матери и внучка; правнучка, внучка и двѣ бабушки. Сколько было всѣхъ?
(Предложила Женя Стрекоза).
- 4) Что находится въ срединѣ земли?
(Предложила Таня Волкова).

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы три слова, изъ первыхъ слоговъ которыхъ должно составить-

ся названіе города на сѣверо-западѣ Россіи. Если откинуть эти первые слоги, то изъ задуманныхъ словъ получится:

- 1) Отъ перваго—то, что помогаетъ всѣмъ тварямъ и человѣку двигаться.
- 2) Отъ втораго—то, во что наливаютъ воду, керосинъ и проч.
- 3) Отъ третьяго—лицо.

Въ цѣломъ-же видѣ эти задуманные слова означаютъ: 1) первое—рыбу, похожую на змѣю; 2) второе—растеніе, которое вялятъ и жгутъ, и 3) третье—то, что употребляется въ фонографѣ и въ машинахъ.

Какія это слова и какой городъ задуманъ?

II.

Начальные буквы задуманных словъ составляютъ названіе дерева. Слова эти означаютъ:

- 1) Неприятное чувство, испытываемое человѣкомъ.
- 2) Хвойное дерево.
- 3) Крѣпкій напитокъ.
- 4) Самое маленькое цѣлое число.
- 5) Животное, обитающее въ Бѣловѣжской пушчѣ.
- 6) Жителя пустыни.

Какія это слова и названіе какого дерева задумано?

(Предложила Jeanne Meunier).

III.

Задуманы три слова, которыя означаютъ:

- 1) Закуску.
- 2) Кавказскую шапку.
- 3) Сѣверную птицу.

Два первые слога каждаго изъ этихъ словъ означаютъ:

- 1) Посуду, употребляемую въ химическихъ опытахъ.
- 2) Названіе человѣка, имѣющаго дѣтей.
- 3) Названіе города въ Голландіи.

Отнять эти слова отъ первыхъ словъ, такъ, чтобы изъ окончаній, которыя отъ нихъ останутся, получилось новое слово, означающее названіе бесплодной мѣстности.

Рѣшеніе головоломкѣ, шуточныхъ вопросовъ, шарадъ и ребуса, помѣщенныхъ въ № 7 «Золотою Дѣтства».

Головоломки. I. Зима... Крестьянинъ, торжествуя, на дровняхъ обновляетъ путь. II. Тише ѣдешь, дальше будешь. III. ...гра + Нат = гранатъ; ..дра + же = драже; ...ай + Ва = айва; ...лимъ + онъ = лимонъ; арбу + з = арбузъ; ...ко + фе + кофе; аръ + буз = = арбузъ.

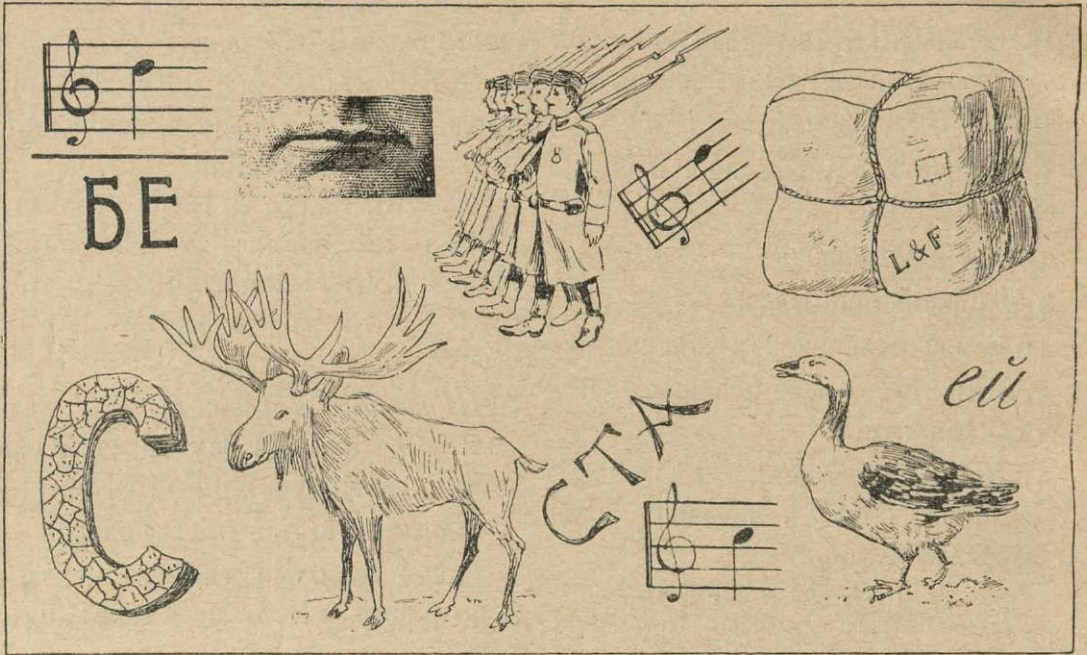
Шуточные вопросы: 1) Отъ земли. 2) По книгамъ. 3) Зауши; 4) За спинами. 5) Изъ буквъ п + о + ѣ + з + д + ть.

Шарада. Полъ + оса = полоса.

Ребусъ № 4. Не в ели + к + глазъ, а до + рогъ = Не великъ глазъ, а до-рогъ.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Катя Пасхалиди изъ Сѣнно, Жанна Менье изъ Ялты, Тамара Саплицъ, Клава и Люба Шатовы; Ляля, Соня, Вѣра, Гуля, Коля, Гриля, Саша, Дуся Горбуновы, Нина Симонова изъ Гомеля, Лиза Лебель изъ Москвы, М. Корбутъ изъ Казани, Надя фонъ-Клугенъ изъ Кіева, Тая Волкова изъ Николаева, А. Григорьевъ изъ Нахичевани на Дону, Витя Быстрицкій изъ Царицына, Ксенія Семенова изъ Самары, Вася Зиновьевъ въ Спб., Володя Визи въ Спб., Андрюша Федотовъ — Донской казачокъ, Володя Поповичъ изъ Горь-Горокъ, Петя Степановъ, Муся Розова изъ Кіева, Тоня Сиротинина со ст. Лиски, Нинуша Пыхтѣва изъ Мензелинскаго уѣзда, Владиміръ, Евгений и Георгій Конрадъ въ Спб., Сергій Чагинъ въ Спб., Сережа Жолтиковъ въ Спб., Наташа Лосева въ Спб., Евгения Ильина, Володя Ильинъ, Валя Герасимовъ, Коля Меншуткинъ, Шура въ Спб., Екатерина Горваттъ-Божичко, Оля Енакіева въ Спб., Витольдъ Румшевичъ со ст. Чудово, Витя Фаленковъ изъ Рыбинска, Борисъ Дубровинъ въ Спб., Ларисса Лукьянова изъ Елисаветграда, Костя Романовскій изъ Выборга, Валечка изъ Одессы, Нинуша Пыхтѣва изъ Уфимской губ.

РЕБУСЪ № 5.

Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ эти шуточные вопросы, головоломки и ребусъ, будутъ напечатаны.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Полные экземпляры «Золотого Дѣтства» за истекшей годъ, со всѣми приложеніями, высылаются по **три рубля** за годъ. Въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ—**на 65 коп. дороже**. За пересылку: въ предѣлахъ Европейской Россіи и Закавказья по 45 коп. съ экз. и въ Западную Сибирь и Туркестанъ по 65 коп. съ экз. Въ Восточную Сибирь не посылаются вовсе.

Крышки для переплетовъ, отдѣльно,—по 45 коп. За пересылку—по разстоянію.

Годъ изданія третій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА

При каждомъ номерѣ приложенія (выкройки, игры, картонажи для склеиванія, литературныя и другія).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается: а) для иногородныхъ—въ Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3; б) для городскихъ подписчиковъ—въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40), и Т-ва М. О. Вольфъ (Гостинный Дворъ и Невскій).

➡ Подписной годъ съ 1-го ноября. ➡

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.